

Его выцветшие, облупившиеся стены; древний алтарь благовоний и неприглядные, покрытые паутиной статуи Будды. Люди остаются неизменными, такими же застойными, как и окружающая среда. И все же мое существо пронизывает чувство беспомощности. Ничего не изменилось, но все изменилось. - Почему? - умоляю я, мой голос сочится отчаянием, оставаясь на коленях. - Я приготовил, убрал и сделал все, что делают другие монахи... Я выполнил все порученные мне задания! Я сердито умоляю, надеюсь что-то тронуть в настоятеле, но он остается равнодушным, совершенно не затронутым моей тоской. - Ты не готов, - заявляет он, в его тоне нет и намека на сомнение. - Еще нет. - Но я! - Я яростно протестую, мое сердце болит от перспективы покинуть этот храм, который стал моим домом на последние месяцы. - Я готов отпустить все! Настоятель, облаченный в желтую мантию, стоит передо мной, сложив руки вместе, и тихо что-то бормочет. - У тебя нет привязанностей, от которых можно было бы отказаться, - Прежде чем констатировать. - Возвращайтесь через десять лет, и если ваши убеждения останутся неизменными, я лично сошью вам одежду. Но сейчас... Легким толчком он указывает на мой багаж. - Вам пора уходить. Глядя на свой чемодан, отслаиваясь от хлопьев краски, с моих губ срывается глубокий вздох — моя идиотская вера в то, что я нашел убежище, разбилась вдребезги. Почему-то путь вниз по склону казался гораздо более долгим и трудным, чем подъем. Каждый проходящий день начинает сливаться с другим, пока я бреду по улицам, терзаемый мыслями о том, не вызвал ли я недовольство настоятеля. Храм, который я выбрал, не отличался ни величием, ни блестящим очарованием. Тем не менее, в его скромных стенах я построил там жизнь. Неторопливый темп жизни, симфония деревьев и птиц, приветствующих каждое утро, — это стало моим убежищем, объятиями, к которым я привык и даже полюбил. А теперь все это жестоко отобрали, причем по велению того, кого я тоже считаю учителем. Чувствуя себя обескураженной, я захожу в необычное кафе и делаю заказ, изображая усталую улыбку. - Один кофе со льдом, пожалуйста. Однако официантка встречает мой потрёпанный и запылённый вид строгим взглядом. - Вы должны заплатить заранее. - коротко замечает она. Я не виню ее, я действительно не очень хорошо одет в данный момент и, должно быть, вонял до небес из-за пота, который набрал на пробежке. Залезая в карман, достаю пачку скомканных купюр и торопливо передаю ей. Когда я поворачиваюсь, чтобы найти место, вмешивается другой голос, на этот раз молодой официант. - С-сэр? Он заикается, явно вынужденный принять эту позу. - У нас есть политика компании против обслуживания бездомных. Я встречаюсь с ним пристальным взглядом, мои глаза сужаются, когда я направляюсь к двери. Это выходит за рамки его юрисдикции; это не его решение. Нет смысла на него нападать или портить ситуацию. - Я понимаю. - Прежде чем я успеваю закончить предложение, он удивляет меня неловкой улыбкой, возвращая мятые купюры. Достав из кармана вторую записку, я сую ее ему в руки. - Как насчет этого, - предлагаю я, - ты можешь купить мне напиток и принести его мне на улицу. Считайте это компенсацией за все хлопоты. При виде денег в его глазах на мгновение вспыхивает предвкушение, но они снова быстро тускнеют. - Я куплю это для вас, никакой дополнительной оплаты не требуется. Ведь это наша ошибка... - Вы уверены? - Помахивая ему банкнотой, - спрашиваю я. Он кивает, на этот раз немного тверже. - Это правильно. - Молодец, - хвалю я его, показывая большой палец вверх, прежде чем неуклюже выбраться из кафе и рухнуть рядом со зданием. Мои глаза закатываются, голова кружится, как будто я выпила бутылку самогона. Я хватаюсь за живот, чувствуя, как он трясется и переворачивается, вызванный одновременно голодом и обезвоживанием, в то время как напряженный свет солнца пронзает мои глаза. - Сэр, вы в порядке? - слышу обеспокоенный голос вопроса. Разрывая бумажную оболочку, я жадно глотаю жидкий кофеин, чтобы утолить жажду и избавиться от вялости. - Спасибо, - бормочу я, успев показать официанту большой палец вверх, который тот принимает с оттенком неловкости. - Хороший человек... Я снова бормочу, глаза обожжены палящим жаром Солнца, пока я бреду по улице в поисках моего знакомого — монаха, с которым я подружился в храме — в аптеке на углу. - Лео! Он взволнованно кричит на меня, махая рукой, и я с неудовольствием вижу, что одна из его ног согнута не в ту сторону. - Ты... - я делаю паузу, потеряв дар речи. - Что, черт

возьми, с тобой случилось? Как поживает монах именно здесь? Или еще лучше, почему? Я живу в этом храме уже несколько месяцев и изучил их распорядок дня изнутри. Монахи почти никогда не спускаются с горы, если только настоятель не прикажет им это сделать. По глупости часть меня надеется, что они пришли искать меня, что настоятель внезапно изменил свое мнение. Однако мои надежды рушатся так же быстро, как и возникли. – А- Амитабха, — начинает он, его голос наполнен болью и слезами, наворачивающимися на глаза, когда он подталкивает ко мне нейлоновый мешок, наполненный наркотиками (к счастью, не развлекательными). – Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Отнесите это настоятелю, и побыстрее! – настойчиво настаивает он, поскольку вокруг нас начинается толпа. – Кто-нибудь из вас видел, что произошло? – Он так быстро убежал! – Сбил кого-то и убежал на велосипеде... Что стало с миром? Это Интернет-ошибки! Еще в мои дни — Мои глаза мгновенно расширяются, как пара блюдец. – Тебя сбил велосипед?! – восклицаю я. Монах отмахивается от моего беспокойства. – Забудь меня! – Он отвечает. – Поторопитесь, а то настоятель не успеет! Мое сердце замирает, когда я слышу эту новость. В то же время злобный и сердитый голос шепчет мне на ухо: «Пусть этот старый ублюдок умрет!» Это то, что он заслуживает за то, что вышвырнул тебя». Другой, более мягкий голос вмешивается: «Но ты не такой». Третий голос умоляет: «Вы заслуживаете, по крайней мере, знать, почему». Это двое на один: «В храм». Не теряя ни минуты, я мчусь по улицам, мой наряд намочен от небольшого дождя. Я не могу не задаться вопросом, льют ли по нему слезы сами небеса, ведь они уж точно не плачут по мне. Вызывая такси, я плачу заранее и сообщаю водителю, куда мы направляемся. К счастью, этот город небольшой, и все в этой части города знакомы с обветшалым храмом, который отказывается от денежных подношений в пользу еды. Из-за этой практики они считают храм чище... святее. Это инсайдерская тайна, известная только местным жителям, в то время как туристы, желающие отполировать свой имидж, увеличить количество подписчиков в социальных сетях или испытать подлинный культурный опыт, направляются в самый большой и яркий храм. Это скрытая часть их самих и их культуры, которую они яростно охраняют, боясь, что она будет превращена в пустую оболочку ради коммерческой выгоды, опасаясь, что магия каким-то образом будет утеряна. Выпрыгнув из такси и торопливо поблагодарив водителя, я мчусь к храму, как будто сама Смерть идет по пятам. – Подожди еще немного, старик, – бормочу я себе под нос. Когда я впервые увидел его, у меня сложилось впечатление холодного, отстраненного и отстраненного человека. Он был стариком, который, казалось, ни о чем не заботился и поэтому ничего не желал. Но однажды он удивил меня, пригласив на чай. Поначалу я думал о гнусных возможностях, учитывая мое воспитание и опыт общения с недостоверными монахами, которые носили свои титулы только на словах и были непригодны для проповеди кому-либо. Одна из многих причин, почему я воспитал глубокое презрение ко всему религиозному. К счастью, это было далеко не так. Он просто попросил меня присоединиться к нему на чай. Мы вместе сидели и смотрели на далекий восход солнца, наслаждаясь горечью. На третий день начались наши разговоры... – Лео? Вас больше не пускают в храм. Почему ты здесь? – спрашивает другой из учеников аббата с ноткой беспокойства в голосе, преграждая мне путь. Задышавшись, я поднимаю полиэтиленовый пакет над головой. – Я принес наркотики! Где настоятель, как он?! – Наркотики? – Монах маячит, сомневаясь. – Это героин, – шучу я, пытаюсь снять напряжение. – Это лекарство для настоятеля. Я слышал, что он нездоров. – Что случилось с-- Он попал в аварию, – я наклоняюсь, кладя ладони на колени. – Попросил меня принести это. Торопитесь. Следующие полчаса пролетают в напряженной тишине, пока я с нетерпением жду снаружи. Конечно, мысль проигнорировать приказ аббата и войти в ворота мне приходила в голову, но я передумал. К счастью, монах возвращается прежде, чем мое желание одержит верх. – Как он? – спрашиваю я, затаив дыхание. – На данный момент его состояние стабильно, но ситуация выглядит малообещающе, а денег на его госпитализацию у нас нет... Он отвечает, его голос дрожит. Вопреки здравому смыслу я делаю паузу, надеясь, что меня вызовут внутрь и дадут объяснения. Но ничего подобного не происходит. Монах просто смотрит на меня с неловким выражением лица. Поняв намек, я спускаюсь с горы,

растоптанный. На полпути тот же монах преследует меня и кричит. – Лео! Настоятель желает поговорить с вами! – Его слова останавливают меня. Развернувшись на пятке, я бросаюсь вверх и, даже не осознав этого, уже оказываюсь в опочивальне настоятеля. Этому месту не хватает ни гламура, ни красоты, оно представляет собой не что иное, как кровать, спрятанную в углу; тумбочка, которая, должно быть, лет на 30 старше самого настоятеля, сам человек, который кашляет и слабо хрипит на кровати, и запах гниения, витающий в воздухе. – Лео... – Он устало манит меня с кровати. – Ты здесь. Я сажусь рядом с ним, более нежно, чем когда-либо, из страха причинить вред хрупкому старику. – Как ты себя чувствуешь, старик? – Как будто мои легкие вот-вот откажутся, – шутливо отвечает он. – Если ты еще шутишь, то все в порядке, – отвечаю я со смехом, хотя в глубине души мы оба знаем, что его время на исходе, если только в этот раз его не госпитализируют.

<http://tl.rulate.ru/book/108145/4011251>